

Ночной принц

С. А. Ауслендер

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А93

Художественное оформление *Кати Хаяси*
Разработка концепции серии и обложек
Натальи Артёмовой

Ауслендер, Сергей Абрамович.
А93 Ночной принц / Сергей Ауслендер. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Мистический Петербург).

ISBN 978-5-04-198603-2

Однажды сумрачным вечером, когда вы будете бродить, отуманенные чарами Петербурга, вам могут встретиться таинственный барон и его компаньон. Они предложат вам, как когда-то молодому лицеисту Мише Трубникову, стать Ночным принцем, а в награду за это выбрать любовь, власть или мудрость. Но будьте осторожны с выбором, ведь за него потребуют вашу бессмертную душу...

Городские мифы оживают под пером трагически погибшего Сергея Ауслендера в его сборнике «Петербургские апокрифы». Вслед за мистическим «Ночным принцем» мы отправимся вглубь истории: от восстания декабристов до самых истоков Северной столицы — правления Петра I...

В дизайне обложки использованы мотивы декоративных элементов решетки Банковского моста в Санкт-Петербурге.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198603-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Эта книга посвящается И.А. Зборовской

I'

¹ Рассказы, здесь помещенные, были впервые напечатаны в журналах «Аполлон», «Весы», «Новая жизнь», «Новый журнал для всех», в газетах «Речь», «Современное слово» и «Утро России». — *Примеч. авт.*

Камни мостовых, стены старых домов, площади, дворцы и церкви много таят в себе загадочных, странных историй. Страшные преступления, прекрасные подвиги совершались здесь когда-то.

Никто не знает, что было, как было.

Когда в сумерках брожу я, отуманенный чарами вечернего города, по этим же улицам, мимо этих же дворцов, вдоль блестящих каналов — мне начинает казаться, что слышу далекие голоса, вижу давно забытые лица, воскресает в призрачном очаровании то, что когда-то жило здесь.

Томные вздохи любовников в аллеях Летнего сада, предсмертные стоны декабрьских романтиков на великой Дворцовой площади, грозные трубы Петра — все еще не замерли, не заглушены суетой нашей жизни.

Прими, любезный читатель, несколько историй, навеянных грезами о славном, веселом, жестоком и необычайном Петербурге минувшего.

То, что вычитал в старых книгах с пожелтевшими страницами, то, что пригрезилось в странные часы сумерек, то, что рассказали мне безмолвные свидетели великих тайн, — соединил я в этих историях для того, чтобы, насколько хватит слабых сил моих, прославить тебя еще раз, о, Петербург!

С. А.

НОЧНОЙ ПРИНЦ

Романтическая повесть

Глава первая,

*в которой говорится о странных
мечтаниях Миши Трубникова,
о купальщице, разбитой тарелке
и желтой даме*

На оных изображены персоны.

Из аукционных публикаций

«Государь мой. Всякий поступок должен иметь свои причины. Чем прикажешь извинить вчерашнее твое поведение? Сервиз, из коего ты разрознил рыбную смену, стоил мне 500 рублей ассигнациями, но ты знаешь, что не убыток возмутил меня. Наденька и я с тревогой ожидаем твоих объяснений, так как припадок твой охотнее считаем мгновенным затмением разума, чем дерзостью.

Остаюсь преданным слугой твоим

Князь Григорий».

Уже не слишком раннее утро тусклого, метельного петербургского дня и письмо на толстой серой бумаге, надписанное почерком тонким и строгим — «Милостивому Государю Михаилу Ивановичу Трубникову в красный дом противу Вознесенья, в собственный руки», — разбудили молодого человека в боль-

шой квадратной комнате, соединяющей в себе некоторое притязание на роскошь и заброшенность почти нежилого помещения.

Было ему на вид лет пятнадцать. Тонкие черты его не были лишены приятности, хотя их несколько портили коротко и неровно подстриженные волосы и бледность лица.

Смущенно скомкал он полученное письмо, сунув его под подушку, почти не читая. Тяжелая растерянность охватила его. Беспокойный блеск глаз говорил о каких-то тайных, мучительных тревогах. Еще не совсем отошли ночные видения, каждую ночь одни и те же в этой комнате, а письмо с досадной живостью напомнило ему все события вчерашнего дня и за ними длинную цепь других дней, тоскливых и тягостных. Все смешивалось, и все томило: и скучный наставительный голос князя Григория, и розовое личико Наденьки, в которую он еще недавно считал себя влюбленным, и завешенная купальщица на стене в дядином кабинете, и разговоры с Пахотиным, тягостные и влекущие, и вечер в ресторации, и она, своей улыбкой переполнившая чашу всех мучительств и сомнений, обольстительное наваждение, лукавая прелестница, от которой остались после вчерашнего обеда одни черепки, но странными чарами живая теперь навсегда в беспокойных снах, в сумеречных видениях,

колдунья в желтых шелках, с тайным намеком трех мушек, носящая пышное и роковое имя — она, Маркиза Помпадур.

— А вы бы, сударь, вставали, — со сдержанным осуждением сказал, наконец, Кузьма, потому что Миша, натягивая одеяло на голову, делал отчаянную попытку отвратить несносную минуту вставанья, в чем старый слуга справедливо находил непорядок.

Как бы пойманный на месте преступления, Миша начал одеваться с покорной поспешностью, не решаясь даже поставить на вид Кузьме нечищенные сапоги и нерасправленный мундирчик. Почтительная наглость избалованного лакея угнетала его и приводила в раздражение, которое он, впрочем, всеми силами старался скрыть, равнодушно задавая вопросы о погоде и делах несложного дядиного хозяйства, над коим был он теперь поставлен временным господином.

Миша наскоро окончил незамысловатый свой туалет, даже не пригладив смешно торчащие кустики волос, обезображенных небрежной рукой лицейского цирюльника Ефимыча. Кузьма подал ему на исцарапанном подносе убогий завтрак; помахав метелочкой по диванам и столу, исполнил обряд уборки комнат и, наконец, уплелся на людскую половину, что-то ворча себе под нос о непорядках.

Жареная картошка с селедкой и вчерашнее пересушенное в мочалку мясо отбивали аппетит. Во рту было гадко; вялость после тяжелого сна не пропадала. По привычке Миша стал ходить по комнатам — их было пять, и каждая странным убранством своим походила одна на другую. Казалось, хозяин их, сделав удачный набег на дворец Бахчисарайского султана, не знал, куда поместить награбленные богатства, и заполнил все комнаты свои оттоманками, мягкими коврами, парчовыми занавесями с полумесяцем и арфами, цветными фонарями, золочеными саблями и кинжалами — словом, всем, что дает обстановке название «восточной». Затейливыми ширмами с огненными птицами и золотыми драконами были тщательно заставлены все принадлежности домашнего обихода, обеденный стол, кровать, умывальник, чтобы ни один из презренных сих предметов не выдавал, что это мирное обиталище почтенного, правда, холостого чиновника 5-го класса, а не легкомысленный приют для каких-нибудь нескромных утех молодого повесы. Такова была фантазия Мишиного дяди, Дмитрия Михайловича Трубникова, в квартире которого проводил он одиноко свои Рождественские каникулы, преследуемый странными, часто самому ему непонятными мыслями, мечтами и даже видениями.

Тихо раздвигая свешивающиеся над каждой дверью занавеси, переходил Миша из комнаты в комнату; останавливался у замерзших окон, за которыми густо валил снег и в пустынном переулке спешно пробежал редкий прохожий, представляя своей закутанной фигурой, какой стоит на улице мороз; и уже сладкая, знакомая томность ранних сумерек и пустых комнат овладела им.

У Вознесенья изредка звонили. Еще раз постояв у окна, Миша тихо-тихо, как бы прокрадываясь по мягким коврам, прошел ряд комнат, помедлил у последней двери, огляделся и вошел.

Это была большая комната с четырьмя диванами по стенам, называвшаяся почему-то кабинетом. С притворной небрежностью Миша побродил по комнате, потрогал замысловатые чубуки, стройным рядом выставленные в бронзовой подставке, погрел руки у жарко натопленной печи и, только развалившись в шелковых подушках дивана, наконец поднял глаза.

На противоположной стене висела завершенная купальщица.

Уезжая, дядя прикрыл картину двумя концами окружающих ее занавесок, сказав со смешком: «Это для тебя еще рано». Только голова в голубом венке в полуоборот и кончик голого плеча были видны на зеленоватом небе.